

Люблю дивный рассказ Карела Чапека о поэте, оказавшемся единственным свидетелем уличного происшествия. Самого происшествия он, конечно, не помнил, зато написал возвышенный стих. Опытный следователь расшифровал отвлеченные образы так, что в строках оказался даже номер автомобиля!

Лирика Евгении Янищц таковой расшифровки не требует. За строками ясно прочитываются реальные события и реальные люди:

*А поўня нас цямнеччу лякае,
І дождж ліецца прама у душу.*

*Сынок, я тэлефоннымі званкамі
У «Хуткай» міласэрнасці працу.*

Поэтический цикл «Маё адно—адзінае світанне», который некоторые литературоведы считают поэмой, особенно реалистичен и трогательен. Девять стихотворений, первое помечено датой «14 сентября 1985 г.», последнее — «17 октября 1985 г.». Период, который стал для поэтессы, как она сама признавалась, самым страшным в ее жизни.

*Было ў жыцці маім зашмат
благода.*

І ўсё—ткі болей сонца і удач.

Тулю цябе сцішлага, слабога,

*А ты мне шэпчаши: «Мамачка. Не
плач».*

*Так цяжка мне, нібы іду праз
гурбы*

І завірухай свет завалакло.

І ўжо мало не Бога, а хірурга:

«Үратуйце мне адзінае святыло».

В это время двенадцатилетний сын поэтессы, находившейся в разводе с его отцом, поэтом Сергеем Панизником, чуть не умер от перитонита. Евгения Янищц описывала ситуацию в письме к писательнице А. Василевич: «Сапраўды было жахліва становішча: трох «хуткія дапамогі» за ночь... Яны нічым не дапамаглі, а потым яшчэ цэльныя суткі ў дзіцячай клінічнай бальніцы на Курасоўшчыне ставілі ўсё капельніцы і знімалі таксікоў, аж па-

«Няхай мой сын мяне перажыве»

Евгения Янищц с сыном Андреем.

куль разліўся гной, і такім чынам быў устаноўлены дыягназ пры тэмпературе 40,5! Божа, Божачка, думала, што не вытрымаю! Адны толькі сцены і ведаючы маё галашэнне, мае малітвы».

Стихи стали для поэтессы единственным способом пережить трагические дни. Она подробно изливает на бумагу все.

Пока сын находился в реанимации, мать к нему не пускали.

Сыночак мой, бясцэнны мой, радзімы!

Якія суткі ўжо не сплю, не ем.

Але заводжу звонкі твой будзільнік.

Ты слухаеш? Ён звоніць роўна ў сем.

Затем Андрея перевели из реанимационного в гнойное отделение — мать узнала про это из надписи на корзинке для передач.

«Тэмпература спала, але ў жывоцку яшчэ дрэнажная трубка. Мяне ж туды не пускаюць, але ўжо абдумала, як мне туды прарваша. Звяно кожны дзень урачу і два разы на дзень нашу сыночку яду — ўсё працёртае, лёгкае. І пішу яму аптымістычныя запіскі, праз боль у сэрцы».

*Любімы мой, найсонечны, найблізкі,
Быць слабаю мне сёняня не дазволь.
Пішу табе вясёлыя запіскі,
Хоць раздзірае сэрца дзікі боль.
Вот постепенно мальчик идет на поправку, мать передает ему в палату астры:*

*Яшчэ забараняюць мне адведкі,
Плынуць мядсёстры, нібы белы дым.
Паслухай, да цябе гавораць кветкі
У хірургічным слоіку шкляным.*

А далее... Как будто поэтесса поддается стереотипам времени, что столь личное, интимное — этого недостаточно, нужно выйти на «гражданственный уровень». В строках появляется тема мировой войны, обращение «і заклікаю людства ўсёй планеты: паслухайце балочае дзіця!». А заканчивается и вовсе пафосно, так, как «надо»:

*Выходзьце ўсе з узнятою паходній,
Каб атамную смерць перамагчы.*

К счастью, основной текст — все же исповедь матери.

Евгения Янищц.

*Маё адно—адзінае світанне,
Мой матылек на светлай мураве.
Я паўтару услед, як заклінанне:
«Няхай мой сын мяне перажыве».*

Последняя строка заимствована Евгенией Янищц у Дануты Бичель-Загнетовой.

Поэтесса признавалась, что если бы не возможность выплеснуть боль и страх в образы — не знает, как справилась бы. Ведь единственный сын был для нее центром вселенной.

Цикл был опубликован спустя год в журнале «Работніца і сялянка» (нынешняя «Алесья»). Народный поэт Пимен Панченко отозвался так: «Але найблізы выдатныя вершы змешчаны ў цыкле «Маё адно—адзінае світанне». Гэта амаль дзённіківы запіс. Дзень за днём. Гэта і малітва, і заклінанне, і бязмежная любоў, і спадзяванне на будучыню».

Людмила РУБЛЕВСКАЯ.

cultura@sh.by